

Гавеля В.Л., доктор філософських наук, професор, завідувач кафедрой філософії Миколаївського державного гуманітарного університету ім. Петра Могили. Коло наукових інтересів: філософія науки, соціологія освіти, іміджіологія, теорія організації та організаційної поведінки.

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ТРАНСФОРМАЦИИ СВОБОДЫ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА В КОРРЕКЦИИ ЕГО ЦЕЛЕЙ

У статті розглядається активна природа волі людини в її суб'єктивній спрямованості до реалізації цілей. Прослідковується зв'язок соціальної свободи з об'єктивними чинниками соціального процесу, кореляція цілей в зв'язку з об'єктивними можливостями реалізації задумів, планів особистості, груп, спільнот.

In the article the active nature of a person's will in it's subjective direction towards objectives' realization is considered. The connection of social freedom with objective factors of social process is noticed as well as correlation of goals in their connections with objective possibilities of realization of a person's, groups' or communities' plans and dreams.

Исследование структуры целеполагания показывает, что цель не имеет сквозного характера, в своем движении к результату она непрерывно корректируется напряжением воли. Воля – это одна из важнейших сторон психической жизни человека. Собственно свобода – это свобода воли. Она всегда связана с преодолением каких-то препятствий, затруднений и выражается в сознательных действиях и поступках, направленных на достижение поставленных целей. Воля может быть направлена только на субъективно ценное, поэтому она зависит от индивидуальной субординации ценностей. Воление, а следовательно, и ценность или ситуации и вещи, обладающие ценностью, обнаруживаются в пределах некоторой ситуации, которая есть цель и ее реализация на пути преодоления препятствий. Эти препятствия в своей значительной мере создаются обстоятельствами, не зависящими от человека. Нельзя сбрасывать со счетов и внутренние мотивации и препятствия. Человека могут обуревать противоречащие друг другу чувства и стремления, которые отклоняют его от поставленной цели, мешают владеть своим поведением, руководствоваться сознанием долга и доводами разума. Поэтому коррективы цели могут быть спонтанными, неосознанными.

Воля, как и цель, является духовным актом и в этом качестве может быть только свободной волей, т. е. здесь осуществляется субъективный выбор среды, ассортимента мотивов. Важно заметить, что выбор и его мотивы могут расходиться с самым интересом человека, более того, воление в целеосуществлении простирается до самопожертвования и даже самоубийства. А. Шопенгауэр создал метафизику всеобщей воли, проявляющуюся в объективном смысле как природа, включая и само биологическое тело человека, а в субъективном плане – как сознательная воля. Он писал:

«Свободной, следовательно, будет такая воля, которая не определяется основанием... иными словами ее отдельные проявления (волевые акты) безусловно и вполне независимо будут вытекать из нее самой, непорождаемые с необходимостью предшествующими обстоятельствами, а стало быть, также и неподчиненные никаким правилам... Однако и для этого понятия имеется свой *terminus technicus* (лат. – технический термин): это *liberum arbitrium indifferentiae* (лат. – безразличная свобода воли) [1].

Субъективные факторы тоже влияют на активность человека в достижении цели, и для их преодоления необходимо волевое усилие. Свободен

ли человек в своих действиях, или все его поступки и начинания стиснуты жесткими рамками необходимости? Это отнюдь не праздный вопрос, он связан с проблемами юридической практики и проблемами воспитания человека.

Наконец, проблема свободы воли – извечная тема богословских споров во всех религиях. Для религии единственным источником абсолютно свободной воли есть бог. Божественная воля свободна как в актах творения мира, так и в отдельных актах индивидуальных действий человека, стиснутого божественной предопределенностью своих действий. Поэтому свобода воли бога выступает для человека в виде необходимости, которую люди должны принять раз и навсегда. В этом случае вопрос об индивидуальной свободе воли человека снимается, так как божественная предопределенность результатов человеческой деятельности означает индивидуальную закабаленность и несвободу. Отсюда берет свое начало одно из многочисленных противоречий религии. Если человек совершает преступление, то это, прежде всего, вина верховного существа, поскольку человек только материальный носитель божественной воли.

Если в обществе зло часто торжествует, а добродетель не дает никаких результатов, более того, выглядит чаще всего как непрактичность и глупость, то и здесь основная вина падает на божество. Если бог не может ликвидировать зло во всех формах, то он не всемогущ. А если он, обладая абсолютной свободой воли, не хочет этого, то он не всеблаг. Это противоречие вынуждает телеологов допустить абсолютную свободу воли и у человека, но при этом эта индивидуальная свобода воли для телеологов не зависит от материальных причин и факторов. Это очень удобное допущение, которое, например, неотомистам позволяет отказаться от зависимости поступков и целей человека от экономических и исторических условий. Функционально свобода воли представляет собой возможность коррекции целей и стремлений.

Сама история превращается в комбинацию воли отдельных людей, но в таком случае возникает новое неприятное для религии противоречие: если свобода воли и выбора присуща не только богу, но и людям, то идея божественного всемогущества становится просто ненужной, а ведь религия всегда боролась против всех видов свободомыслия, и независимость от бога идет вразрез с основными догмами религии.

В рассмотрении этой проблемы философы-идеалисты Д. Беркли, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр исходили из абсолютной свободы воли бога и человека – эта позиция аналогична религиозной. Свобода воли трактуется как абсолютный произвол, не зависящий и не сдерживаемый существующими общественными условиями. Это открывает дорогу любым злоупотреблениям, и поэтому Ницше и Шопенгауэр были кумирами фашистской идеологии, которая брала самоутверждение без указания на логические противоречия в проблеме, изложенные тем и другим мыслителями. В противовес этой трактовке психоанализ впадает в другую крайность –

приходит к утверждению о зависимости свободы воли от сексуальности. Например, Корен Хорни писала, что действия людей во всех случаях и в полном объеме обусловлены сексуальностью и не может быть и речи о свободе выбора цели [2]. Следовательно, согласно этой точке зрения, мотив любой деятельности человека прямо не зависит от сущности ее объекта. Это положение совершенно обесценивает уровень мотивированной активности человека в достижении его целей.

Та и другая точки зрения – это крайности. Человек не волен абсолютно делать то, что он захочет, однако в определенных пределах он может выбирать наилучший способ действия, наиболее верную цель. Относительным критерием такого выбора является уровень социального прогресса, а техникой является непрерывный процесс коррекции цели в ее движении к результату.

В основе любого волевого факта лежит, в конечном итоге, воздействие материального мира на человека. Людям присущи определенные потребности и, прежде всего, материальные, без удовлетворения которых человек не может жить. Эти потребности удовлетворяются в результате труда, составляют постоянную цель человеческой деятельности и удовлетворяются через целесообразную деятельность человеческим способом, и это очень важно, поскольку стремление к поддержанию существования может быть и неосознанным, животным. Трудовая деятельность (именно она выступает в качестве материального осознания потребности) воздействует на человека: это так называемое обратное воздействие усиливает общественные интересы человека и все дальше уводит его от животного состояния в социум, характеризующийся социальными потребностями и нестабильностью целей. Под потребностями обычно понимают «состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности» [3, с. 327-328]. В данном определении выделяется зависимость любой социальной системы от объективных условий ее существования, следовательно, если определить потребность как специфическое отношение социальной системы (индивида, социальной группы, слоя, общества в целом) наличным условием бытия, как отношение зависимости системы от окружающей среды в единстве природных и социальных компонентов, то указанное отношение зависимости, перенесенное на вещи, процессы, действия и т. д., служащие источником или посредником в актах удовлетворения потребностей, порождает феномен их ценности [4, с. 103].

Свобода человека в достижении своих целей находится в границах необходимости, и прогресс деятельности связан не со стремлением раздвинуть границы необходимости, а с расширением познания и вовлечения в сферу деятельности все большего количества предметов природы. Необходимость выступает в качестве критерия приложения волевых

усилий и не может противоречить свободе. Например, сколько бы усилий человек не прикладывал, он не может стать великаном или невидимкой, но, познав законы природы, человек может правильно определить цели, а также методы и средства их достижения и методы их коррекции, и, таким образом, через познание и использование необходимости сделать и осознать свою деятельность как свободную.

Своей фантазией люди создали великанов, способных бороться против злых сил природы, но только познав природу, они создали технические приспособления, позволяющие поднимать, переносить и перевозить огромные тяжести, создавать давление в десятки тысяч атмосфер. Значит, действуя в рамках необходимости, в соответствии с ней, человек может свободно проявлять свою волю и добиваться реализации поставленных целей. Решение проблемы свободы в истории философии усложняли те мыслители, которые пытались связать ее с долгом, выводя его из свободы. Однако долг относится только к нравственным отношениям, а не ко всей совокупности общественных отношений. Будучи неограниченной по своим показателям и сущности, свобода должна предполагать, в том числе, и нравственность.

Из западных мыслителей к интегральному пониманию свободы ближе всех подошел Ж.-П. Сартр, утверждавший, что свобода не свойство человека, а его субстанция. Человек не может отличаться от своей свободы, а свобода, в свою очередь, не может отличаться от своих проявлений. Из всего сказанного следует вывод, что человек только тогда может считать себя свободным, когда может проецировать себя на свободно выбранную цель, когда он может свободно ее корректировать и изменять в соответствии со своими знаниями и планами. Вместе с целеполаганием формируются и все ценности, сущностной вещи извлекаются из своей недифференцированной и организуются в ситуацию, отраженную в культурных универсалиях, которая формирует человека как общественное существо. Уровень этой свободы, ее всеобщность будут тем выше, чем лучше и точнее человек зафиксирует закономерности природы и общества и сможет корректировать свои цели на основе знания, а не методом проб и ошибок.

Поставив цель, в определенном смысле, человек свободен в выборе методов и средств реализации, а мотивированная активность определяется напряжением его воли, которая и вызывает такие качества, как настойчивость, самостоятельность и инициативность, дисциплинированность, выдержку и самообладание. Следует однако оговориться, что наличие волевого стремления само по себе не определяет общественную полезность или вредность стремлений человека. Общественная значимость деяния зависит от поставленной цели. В ее первоначальном содержании скрывается, сделает ли человек что-то нужное и полезное для общества в целом или наоборот, ненужное и вредное. Здесь сразу возникает проблема критерия выбора цели,

от чего зависит возможность выбора того или иного стереотипа поведения и уровня активности в достижении поставленной цели и квалификационность ее коррекции в движении к результату. С этой позиции ценность выступает как оценка потребностей, которые всегда связаны с факторами, обеспечивающими их удовлетворение. Подобный взгляд на связь цели и ценностей высказал Е. Ласло, который связывает реализацию целей с уровнем адаптации человека к условиям среды. На этом основании он говорит о возможности создания концептуальной основы для науки о нормативных ценностях, в рамках которой может быть понята сущность целеполагания человека [5, с. 250-259].

Отсюда видно, сколь тесно связано понятие ценности с понятием цели и целеполагания. Цель всегда так или иначе должна рассматриваться в масштабе ценностей, корректироваться ими. Если бы цель не представляла собой ценности, то целеполагание носило бы бессистемный и спонтанный характер, а поскольку реализация целевых установок сопряжена с деятельностью, то в ней и находят свое выражение ценности. Наиболее важные с точки зрения достижения цели действия и оцениваются как наиболее значимые.

В какой-то мере выражение «свободно определить свои цели» является синонимом «действовать со знанием дела». Но знание дела не единственное условие реализации целей человека. Среди обстоятельств, способствующих осуществлению целевых установок, следует назвать моральные принципы и законы, действующие в обществе, которые, в свою очередь, зависят от характера общественного строя. В процессе постановки и реализации целей человек преодолевает много препятствий, и мера познания необходимости служит критерием уровня достигнутой свободы.

В современной литературе, как отечественной, так и зарубежной, достаточно полно исследованы различные аспекты категории «свобода». Но, как правило, исследователи оставляют в тени содержание свободы как внутреннего действия индивида, как реализацию его непрерывно корректируемых целей. В какой-то мере этот аспект затрагивали в своих работах такие философы, как Т.А. Казакевич, А.Г. Мысливченко, А.Е. Давыдович, А.И. Яценко. Эти авторы пишут о цели в связи с исследованием свободы как реализации ценностей, не учитывая трансформацию цели в результате коррекции в ее движении к целеосуществлению.

В рассмотрении свободы К. Маркс выделял не только ее объективное содержание, но и субъективный аспект: «...к свободе относится не только то, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно; не только то, чем я живу, но также и то, как я живу» [6, с. 68]. Ленин также писал о субъективной стороне свободы, то есть о ее связи с целеполаганием. На полях своего конспекта гегелевской «Науки логики» В.И. Ленин записал со значком «важно заметить» (NB): «...Свобода = субъективность («или») цель, сознание, стремление...» [6, с. 148]. Поэтому очень важно

исследовать тот аспект реализации объективных целей человека, который одновременно выступает как реализация и материальное осуществление свободы через внутренне мотивированную, свободную коррекцию целей от замысла к результату.

Все явления причинно обусловлены, равно и все побуждения человеческой воли или какие-нибудь действия человека всегда имеют причину, хотя нередко эта причина неизвестна людям или носит скрытый характер.

Безусловно, причинность в обществе отличается от причинности в природе прежде всего тем, что цели, которые ставит человек, выступают необходимым опосредствующим звеном в цепи причин и следствий. Все бесконечное разнообразие видов человеческой деятельности имеет общую черту – все действия человека целесообразны. Поэтому выбор целей и их масштабность решающим образом сказываются как на выборе средств реализации, так и на результатах деятельности. До начала деятельности человек идеально полагает результат своих будущих усилий и мысленно же объединяет свой образ действия со средствами. Естественно, своеобразие этого процесса и коррективы цели не могут не сказываться на результате деятельности. Однако даже такая большая доля субъективизма не исключает детерминации деятельности человека, потому что цели порождаются условиями его жизни, его потребностями и интересами, а вызванные ими мотивы становятся двигателями его деятельности.

Выбор целей человека зависит от объективно существующих социальных условий, от сложившейся рыночной конъюнктуры, общественного положения, богатства социальных ролей, образования, воспитания и т.д. Выбор целей и средств зависит также и от осознания уровня общественной свободы, поскольку она и есть тот магический кристалл, через который человек видит возможности для выбора и возможности корректировать свои цели.

Следовательно, детерминизм не означает, что человек только следует за ходом событий, напротив, человек во всеобщей связи причин и следствий выступает в роли субъекта действиями она открывает перед людьми реальные пути к овладению природными и общественными силами, а также возможность корректировать цели на основании растущего объема знаний.

Даже постановка целей, когда их форма сугубо субъективна, определенным образом детерминирована, ибо мышление – процесс специфически обусловленный, опирается на имеющиеся результаты познания. В сфере социальной жизни причинность приобретает очень сложный и опосредованный характер, хотя и в природе причинность не совпадает с механической каузальностью. Следовательно, действительное решение свободы воли и ее связи с объективными законами не имеет ничего общего с механическим детерминизмом.

Характерным примером субъективизма воззрений на соотношение свободы и цели является волюнтаризм, который объявляет волю абсолютно самодовлеющей, автономной силой, оторванной

от действительности и стоящей вне закономерности и причинности. Приоритет воли над мышлением Дуне Скот сформулировал как афоризм: «*Voluntas est superior intellectu*» (лат. – «воля стоит над мышлением»). Волюнтаризм отрывает волю от мышления, разума, понимая под волей темные бессознательные инстинкты или же мистическую интуицию, утверждает, что человеческие представления, понятия, теории лишены объективной истинности и являются произвольными конструкциями, которым отведена роль только инструментов человеческой воли. Это деструктивное понимание свободы воли – синоним вульгарного анархизма. Безусловно, эти взгляды никак не проявляются в самой практике функционирования реальных институтов социальной жизни на Западе. Они скорее выполняют роль камуфляжа регламентации общественной жизни, где свобода воли имеет компенсаторный характер.

Материалисты подходят к проблеме с позиций рациональности. Да, свобода воли должна быть обеспечена. Она означает подчинение чувств, эмоций, настроений разуму, осознающему те цели, которые не противоречат развитию объективной действительности. Такое свойство цели находится в связи с объективной необходимостью, придает чувствам и настроениям устойчивость и последовательность. «Укрощаются» те чувства и эмоции, которые препятствуют достижению цели, а вместе с тем дается простор чувствам, которые стимулируют мотивированную активность, а воля и знания позволяют корректировать цели в соответствии с меняющимися условиями и обстоятельствами. В проявлениях свободы воли осознание значимости цели имеет огромную важность. Человек всегда действует свободно именно потому, что действует, учитывая необходимость. Это и есть разрешение противоречия между свободой воли и объективными законами действительности.

Историческая значимость – это не обязательно лозунговый социализм. Это может быть национальная идея, например, «русская идея», это может быть осознание действительно, реально существующей миссии России в мировом сообществе. Это не общие места, например, недостатки Версальской системы, ущемлявшие национальное самосознание немцев, привели к победе Гитлера, который обещал немецкому обывателю Великую Германию.

В человеческой деятельности момент выбора всегда имеется в виде свободы выбора цели, средств, методов и т. д. Выбирая то или иное направление действия, те или иные средства, человек связывает реализацию цели не только со своими потребностями, но и с последствиями именно данного выбора. Выбор связан всегда с прогнозом последствий и в этом смысле находится в пределах целенаправленной деятельности, которая свободно корректируется, не становясь произволом. «Свобода может быть охарактеризована как целеполагающая избирательная активность общественного человека, осуществляемая на основе познания объективной

необходимости» [8, с. 10].

Свобода как деятельность связана с целеполаганием через обширную область мыслительной работы, в процессе которой создаются планы деятельности, становящиеся в дальнейшем целями, которые, в свою очередь, корректируются по мере движения к осуществлению. Формирование научно обоснованных целей служит как бы мостом между теоретическим исследованием законов природы и общества и практической деятельностью, в которой, следовательно, достигается свобода.

Как правило, отсутствие научно обоснованных целей ведет к тому, что внешние обстоятельства навязывают нам способ действия, и это уже по сути дела несвобода. Более того, всемогущие ситуации, ожидание ситуации, чтобы действовать сообразно ей, есть следствие нецелесообразности и бесплановости, и в дальнейшем ведет к утрате перспективы и снижению уровня мотивированной активности. Целенаправленность, напротив, обеспечивает поиск вариантов действия, дает твердость и упорство в преодолении препятствий на пути к результату. Несомненно, речь идет о свойствах, которыми обладают только те цели, в которых выражена объективная необходимость и учтены тенденции развития объекта деятельности. Следовательно, реализацией свободы воли можно считать только целеустремленную деятельность, соответствующую потребностям общественного развития. Только в этом случае свобода воли участвует в осуществлении исторической необходимости.

Стихийные и планомерные процессы в разной мере подчинены объективным законам, независимым от сознания людей и их воли. Но в первом случае осуществление законов не находится под контролем людей, а во втором – эти законы в большей или в меньшей мере сознательно используются ради коррекции и достижения определенных целей. Условия деятельности человека существуют объективно, но это не исключает различного понимания и отсюда различных методов и способов действий людей в реализации целей, направленных на один и тот же объект. Более того, сама действительность таит в себе различные возможности своего развития, и это составляет объективную основу выбора тех или иных целей и тех или других средств их реализации.

И, следовательно, правильное соотношение свободы воли и детерминизма заключается не в различном понимании условий, а в многообразии и богатстве действительности, которая представляет возможность выбора тех или иных, не расходящихся с объективными законами, целей и их свободной коррекции на пути реализации. Для более глубокого понимания действия законов общественной жизни надо раскрыть сам механизм связи между сознательной деятельностью людей и материальной детерминированностью их поступков. Иначе можно впасть либо в фатализм, либо в субъективизм. Решить эту задачу можно лишь в результате анализа

единства объективных и субъективных факторов с помощью таких категорий, как материальная потребность, общественный и личный интерес, цель, необходимость, свобода.

Понятие цели можно так же соотносить не с самой целью, а с факторами социальной детерминации, которые ее непосредственно порождают. В качестве такого фундаментального фактора, как уже говорилось, можно рассматривать индивидуальные и общественные потребности. Человек удовлетворяет свои осознанные, мотивированные потребности, достигая поставленных целей, которые выступают в этом случае как структурированные в целях потребности. На этом пути он следует различным традициям, поскольку привычка к их соблюдению превратилась в потребность, осуществляет поисковые научные исследования, движимые определенными интересами, духовными запросами. В практике социального бытия оказывается, что человек ориентируется не столько на цели и не только на ценности, сколько на удовлетворение своих духовных и материальных потребностей.

Постановка целей – это свидетельство познанных возможностей, а реализация – это акт мотивированной активности. В то же время в бесконечной цепи реализаций отдельных целей проявляются общественные закономерности человеческой производственной деятельности, через которую складывается общественная цель данного общества.

Каждая новая цель не бывает настолько новой, чтобы не соприкоснуться с опытом прежних поколений. В целесообразной деятельности всегда существует преемственность. Можно сказать, что материал для целесообразной деятельности каждому последующему поколению предоставляет не только природа, но и деятельность предыдущих поколений. В таком случае каждая новая общественная цель – это ступень прогресса, которая первоначально осознается как потребность общества и сущностная коррекция взглядов, существовавших ранее. И здесь тоже необходимо различать свободу воли и свободу действий.

Речь может идти о свободе действий, в которой находит свое проявление воля человека, тогда как принуждение, несовместимое со свободой действий, исключает проявление воли. Такая несвобода проявляется не только в условиях тоталитарных режимов, но и в условиях демократии, так как ей присущи различные уровни соблюдения прав человека и гражданина.

От декларирования свободы до ее законодательного обеспечения, как принято выражаться, «дистанция огромного размера». Утверждение, что люди сами творят историю, не означает, что в постановке целей царит произвол. Цели заранее ограничены условиями общественной жизни, возникшими на основе деятельности предшествующих поколений и корректируются ими.

Следовательно, возможность активной целесообразной деятельности как формы реализации свободы складывается непрерывно от прошлого

через цели настоящего к будущему состоянию производства. Смена форм общественной жизни происходит не автоматически, а в результате деятельности самих людей – общественная закономерность прокладывает себе дорогу через массу целесообразных для отдельного члена общества действий, в процессе которых люди реализуют свои индивидуальные потребности, корректируя их по отношению к общественным.

Значит, речь идет об уровне свободы деятельности, которая связана с подвижной структурой потребностей той или иной социальной системы. Выражением этой подвижности является трансформация потребностей под воздействием различных факторов, из которых наиболее существенным является производство. Оно не только поставляет обществу потребительские стоимости, при помощи которых человек удовлетворяет свои потребности, но и иницирует новые потребности, дающие стимулы перестройке «деревяшки целей» и новый импульс к дальнейшему развитию экономики.

Следовательно, воздействуя целенаправленно на производство и сознание людей посредством образования, воспитания, обоснованной и реально ориентированной рекламы и т.д., общество может регулировать потребление, не прибегая к силовым методам, целенаправленно формировать гуманистическую систему потребления и тем самым – систему ценностных ориентации. Все это должно гармонизирующе сближать общественные и индивидуальные цели, снимать их извечную противоречивость, сущностно сближая понятия общественной и индивидуальной свободы деятельности.

Проблему взаимосвязи цели и свободы необходимо исследовать еще и потому, что, по сути дела, ограниченность определения свободы только познанной необходимостью означает обеднение категории. Сейчас необходимо, например, рассматривать субъективно-нравственный аспект свободы, проблему ценностей, которой руководствуется человек в выборе целей.

Осуществляя реализацию своих целей, человек тем самым реализует и утверждает себя как свободное существо. Происходит процесс перехода внутреннего действия во внешнюю реальность, субъективного в объективное. И, что очень важно, человек реализует не просто свои цели, а объективные ценности. В этом смысле его активность становится фактором объективизации, поскольку человек «свободен вследствие положительной силы проявить свою истинную индивидуальность» [9, с. 145]. Для проявления этой мотивированной активности необходимо сопоставление и совпадение познанной необходимости с внутренним состоянием субъекта – его опытом, убеждениями, моральными установками, представлениями об общественных ценностях, умением корректировать индивидуальные стремления с этими ценностями и т.д.

Уже сам факт, что через целесообразную деятельность людей складываются и проявляются объективные общественные законы, говорит за то, что реализация цели – это не только очеловеченная необходимость, а и реализация внутренней свободы

как автономной ценности. Сфера внутренних стремлений и побуждений человека не изолирована от внешней среды, а формируется и существует под влиянием определенного социального окружения. Большинство законов общественного развития – это законы-тенденции, определяющие основную линию развития общества, но вовсе не жестко предопределяющие полностью линию поведения каждого индивида, раз он корректирует и свободно ставит свои собственные цели.

Безусловно, субъект в своем целеполагании детерминирован природной и общественной средой своего существования, но эта детерминированность целей субъекта еще не говорит о его несвободе. Непосредственной причиной цели является потребность и желание. Собственно, в действии субъекта в соответствии с желанием и проявляется его свобода, и то, что это желание детерминировано, ничего не меняет, поскольку человек есть объект не вне природы лежащий, а частица ее. В данном случае внешние факторы, будучи субъективизированы, выступают как внутренние побуждения человека.

Кроме того, можно назвать и факторы, ограничивающие свободу, например, когда цели навязаны извне и не опосредованы собственными мотивами. Действительная свобода состоит не в манипулировании целями, а в их коррекции и реализации. Для этого необходима, если можно так выразиться, целевая культура, проявляющаяся в правильном понимании своих целей и формировании их, в умении отличить цели по важности и неотложности: важные первостепенные и сопутствующие им несущественные, стандартные или творческие, канонические или коррективные и так далее.

Создавая соответствующие условия и ситуацию, субъект использует те случайные проявления объективных законов, которые служат реализации его целей, непрерывно корректируя их. Можно сказать, что в отличие от этого, свобода есть не что иное, как целенаправленное отыскание и замена случайных форм проявления различных данностей в соответствии с потребностями субъекта. Поскольку человек произвольно не создает и не изменяет законов действительности, то бывает, что открытие законов часто принимает форму случайности (человек для открытия пользуется случайными проявлениями данного закона). Опираясь на природную необходимость, субъект создает необходимость другого порядка, которая содержит в себе в потенции явления, отвечающие цели.

В границах реальных условий человек может ставить и реализовывать столько разнообразных целей, сколько случайных форм может проявить необходимость. Кроме того, случайность является не только формой проявления необходимости, но и дополнением ее, основанием для корректировки целей в связи с новыми обстоятельствами. А это означает, что человек свободен и на свое усмотрение может реализовать бесконечное число целей, которые непосредственно не связаны с данной необходимостью, но и не противоречат ей.

Человек, будучи частицей своей собственной среды, (которая в нем и он в ней), представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного, существенного и несущественного, и осуществление случайного и несущественного, порожденного временной ситуацией или переходным моментом, играет большую роль в субъективном ощущении человеком свободы. То же самое можно сказать и о функциях коррекции цели в ее движении к целереализации. Осуществление случайных и несущественных целей возможно потому, что оно не идет вразрез с объективными законами действительности, дополняет свободу и не противоречит существенным целям.

Далее, если в правильном выборе целей главную роль играет знание, то их реализация обуславливается не только выбором, но и главным образом общественными условиями, по отношению к которым корректируется цель. Поэтому гносеологическое исследование соотношения цели и свободы должно быть исследованием тех социальных условий, которые необходимы для достижения целей.

Иллюзорная свобода при произвольном выборе целей превращается в свою противоположность, когда цель оказывается нереальной. Поэтому свобода связана с познанием потребностей, с одной стороны, и объективной необходимостью – с другой. В одной и той же ситуации субъект может ставить и реализовывать многочисленные цели, контролируя случайные формы проявления необходимости и корректируя цели по отношению к ней. Кроме того, механизм реализации сходных целей может в каждом отдельном случае отличаться методами и средствами, а также уровнем мотивированной активности в зависимости от целевого стимула. Всякая реализованная цель включается в обусловленность последующих действий и событий. Поэтому субъект может в какой-то мере предопределять будущую необходимость и свою собственную жизненную линию. Отсюда берет исток проблема свободы воли и ответственности.

Как уже говорилось, кроме внутреннего побуждения, свобода воли означает также и осознание возможности реализации достаточно широкого диапазона целей. Это вопрос о том, может ли быть свободным само волнение. Это также свобода выбора. Таким образом, свобода воли, будучи в своем первом значении вопросом о свободе действий человека, превращается в вопрос о необусловленности воли извне в качестве конечной причины.

Позиция абсолютной автономности воли означает индетерминизм, альтернативой которому выступает детерминизм, отрицающий свободу воли в качестве только самоопределяющегося явления. Объективная действительность – это не тюрьма, в которой заперт субъект, но и его произвол не ведет к господству над природой и общественными отношениями. Чем более согласует, корректирует человек свои стремления с законами действительности, тем он достигает большего успеха.

Еще Кант занимался проблемой соотношения свободы воли как возможности ставить цели и ее

отношением к причинности. Для Канта свобода воли и причинности – абсолютная антиномия. Кант создает целую систему философских рассуждений, конечным выводом которых является утверждение о невозможности познать бытие в его реальности. Эта антиномия трансформируется в антиномию морального мышления: либо стремление к счастью должно определить заповедь долга, либо заповедь должна вести к счастью. Но подобная связь между долгом и счастьем возможна только в том случае, если она имеет первопричину по ту сторону феноменов. Таким образом, спекулятивному разуму навязываются идеи, которые находятся вне пределов его способности к восприятию. Нравственность, диктуемая извне или существующая априори, покидает сферу науки [10]. Это классический пример отрыва морального закона от материального мира. Такой отрыв не приближает ни на шаг к решению противоречия, которое, как кажется, существует между свободой воли и личной ответственностью, с одной стороны, и закономерностями объективного мира, с другой стороны. Это противоречие невозможно разрешить, если его ставить в форме «или-или».

Если историю считать системой, в функционирование которой невозможно вмешаться, тогда человек не может верить в действительный характер своих целей и его воля не способна ни на что по объективным причинам. В этом случае вопрос о моральной ответственности снимается сам по себе, а коррективы целей выглядят как безрезультативная гордыня. Если история – результат абсолютно свободной и ничему не подчиняющейся воли, то тогда следует признать, что в истории нет никаких закономерностей. Их место занимает ничем не детерминированные цели абсолютной воли. И в первом и во втором случае свобода отсутствует, так как нет никакой разницы, находится ли во власти случая или быть марионеткой законов.

Здесь есть и конструктивный подход к этой проблеме, если исходить из единства свободы воли и объективных законов общества. При этом цели человека, через которые материализуется его свобода воли, не могут быть абсолютно свободны от мира причинности, который окружает человека, а она сама выступает как основа коррекции целей. Несомненно, разделение идеалистических воззрений на свободу воли по определенным типам весьма условно, поскольку в большинстве случаев позиции переплетаются, и их общей характерной чертой является индетерминизм. Например, А. Бергсон, В. Виндельбанд в рассмотрении проблемы свободы воли отказываются от причинности.

Бергсон отказывается от причинности на том основании, что каждое душевное состояние и движение уникально и происходит единожды, что оно не может быть подвергнуто верификации с позиции причинности [11, с. 86].

Виндельбанд, исходя из присущего неокантианству противоречия между оценочной и научной точками зрения, обусловленного якобы различными потребностями разума, рекомендует то считать волевые акты причинно-обусловленными, то считать

их абсолютно свободными. Это тоже скрытый отказ от использования причинности в рассмотрении свободы воли.

Отказ от детерминированности волевого акта приводит философов-идеалистов к неразрешимым противоречиям или к попыткам примирить противоположные точки зрения. Виндельбанд пишет: «При рассмотрении проблемы свободы мы повсюду встречаемся с предвзятым мнением частью научного, частью этического и религиозного характера, повсюду с попыткой соединить при помощи диалектических тонкостей вещи, по существу не соединимые; повсюду остроумие направляется на то, чтобы с помощью таких различий и далеких отходоу спастись одной рукой то, что упустила другая» [12, с. 4].

При оценке с диалектико-материалистических и исторических позиций человеческой деятельности и ее мотивов напрашивается вывод, что человек не волен абсолютно делать то, что он захочет, однако, в определенных пределах он может выбирать среди имеющихся возможностей наилучшую по его мнению, наилучший способ действия, наиболее верную цель. Когда есть свобода выбора – есть цель: либо навязанная извне (внешняя), либо собственная, исходящая из индивидуальных потребностей (внутренняя).

Свобода воли предполагает наличие определенного знания тех условий, в которых совершается деятельность человека. Сознывая, в какой степени прошедшее и настоящее таит в себе грядущее, человек предвидит будущее и принимает соответствующие решения. Но это осознание обычно бывает в той или иной степени не полным, не точным, не откорректированным или же вовсе ошибочным. Отсюда – многообразие решений и вытекающих из них действий при наличии одних и тех же условий.

Условия деятельности человека существуют объективно, но они не исключают различного понимания методов и способов действий людей в реализации целей, направленных на один и тот же объект. Более того, сама действительность таит в себе различные возможности своего развития, и это составляет объективную основу свободы воли в выборе тех или иных целей, и их коррекции по мере реализации. И следовательно:

1. Правильное соотношение свободы воли и детерминизма заключается не в различном понимании условий, а в многообразии и богатстве действительности, которая предоставляет возможность выбора тех или иных из не расходящихся с объективными законами целей и их разумной коррекции по мере целеосуществления. В этом

случае свобода воли не вступает в противоречие с представлением о мире как системе, находящейся в вечном становлении и изменении.

2. Свобода воли должна пониматься в значении позитивной свободы, связанной с понятием знания, при помощи которого человек может осуществить свои цели, свободно корректируя их в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Здесь свобода воли выступает как состояние индивидов, познавших законы природы и своей деятельности и использующих свои знания на практике как принципы коррекции своих целей.

3. Цели человека, через которые материализуется его свобода воли, не могут быть абсолютно свободны от мира, который окружает человека и который всегда выполняет корректирующую функцию.

4. Свобода для человека совпадает с возможностью удовлетворять в результате собственной активностью свои действительно человеческие потребности. Эта возможность должна быть гарантирована обществом. Действительная свобода – это не только возможность реализовать свои цели, это и свобода всех членов общества по отношению к природе, своим производственным отношениям, также господство индивида над самим собой.

5. Для соответствия свободы воли объективной действительности необходимо:

а) чтобы цель была поставлена добровольно; чтобы внешняя необходимость была субъективизирована и превратилась в мотив субъекта;

б) чтобы цели свободно корректировались на основе знания;

в) чтобы поставленные цели реализовались;

г) чтобы реализованные цели соответствовали коренным потребностям субъекта и были моментом общественной значимости и ценности его деятельности;

д) чтобы реализованные цели становились основой для постановки и реализации более сложных целей;

е) чтобы развитие познания способствовало адекватному развитию форм объективной коррекции целей.

6. Исследовать коррекцию целей в социуме следует еще и по той причине, что в отличие от прогнозов цель имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, «...помимо познавательной стороны она включает в себя эмоционально-волевые, оценочные компоненты, воплощает отношение к будущему результату деятельности, побуждение к его достижению» [13, с. 63]. Целеполагание корректируется до тех пор, пока его волевой

ЛІТЕРАТУРА

1. Шопенгауэр А. О свободе воли. – Минск, 1997. – С. 49.
2. Карен Хорни. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура. – М.: Юристъ, 1995. – С. 155.
3. Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4. – С. 327-328.
4. Кочергин А.Н. Экология и техносфера. – М., 1995. – С. 103.
5. Laslo E.A. Systems philosophy of Humas Values // Behavioral Science. – 1972. – Vol. 18. – № 4. – P. 250-259.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. I. – С. 68.

7. Ленин В.И. Поли. собр. соч. – Т. 29. – С. 148.
8. Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – Львов, 1967. – С. 10.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 145.
10. Кант И. Критика практического разума. Соч. в 6-ти томах. – Т. 4. – Ч. I. «Мысль». – 1965.
11. Бергсон А. Время и свобода воли. – М., 1911. – С. 86.
12. Виндельбанд В. О свободе воли. – М., 1905. – С. 4.
13. Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. – Красноярск, 1970. – С. 63.